

Изъ разсказовъ объ архіереѣ Смарагдѣ.

Была въ Рязанской губерніи служилая семья нѣ-
конихъ Сп—хъ.

Происходили они, какъ тогда говорилось, изъ оберъ-
офицерскихъ дѣтей. Отецъ былъ лекаремъ, дѣдъ священ-
никомъ. Не имѣя ничего наслѣдственнаго, должны были
весь вѣкъ свой жить службой. Члены этой многочисленной
семьи занимали должности становыхъ, исправниковъ, почт-
мейстеровъ, слѣдователей. Не въ примѣръ служакамъ ста-
раго закала всѣ они отличались добродушіемъ, беззлобіемъ;
не были взяточниками, вымогателями, насильниками. Служ-
ебное дѣло свое вели просто и честно. До большихъ чи-
новъ не доходили, выходя въ отставку самое большее съ
чиномъ статскаго совѣтника, и доживали вѣкъ свой на
ничтожную по прежнимъ окладамъ чиновничью пенсію.
Память о себѣ въ народѣ оставили они хорошую. Корен-
нымъ свойствомъ этой семьи кровныхъ великороссовъ была
крайняя чудаковатость ея представителей. У всѣхъ были
свои особенности: кто былъ охотникъ до боевыхъ гусаковъ
и пѣтуховъ; кто любилъ въ хорошей лѣтній день, выйдя на
дворъ въ халатѣ, подпоясанномъ носовымъ платкомъ, пого-
нять голубей турмановъ. Гдѣ можно было, занимались они
садоводствомъ, разводили породистыхъ куръ, утокъ, гусей.
Развлеченія ихъ всегда были самага мирнаго и безвред-
наго характера для окружающихъ. Отличались они рѣдкою
сообщительностью и ко всѣмъ встрѣчавшимся на ихъ жиз-
ненномъ пути людямъ относились въ высшей степени
доброжелательно. Были они хлѣбосолы, любили провести
время въ пріятельской бесѣдѣ, перекинуться въ картишки,
выпить, закутить. До глубокой старости сохраняли они

способность къ шуткамъ и балагурству. Разказы ихъ больше касались старины, которую они, не будучи вралями, умѣли живо и вѣрно представить съ ея своеобразными особенностями.

Одинъ изъ братьевъ П. В., долгое время прослужившій судебнымъ слѣдователемъ, былъ человекъ такого неисчерпаемаго добродушія и хлѣбосольтва, что приводимыхъ къ нему на квартиру подслѣдственныхъ арестантовъ прежде всего спрашивалъ—сыты ли они? Если узнавалъ, что голодны, то приказывалъ накормить ихъ на кухнѣ и поставить для нихъ самоварчикъ. Мужчицъ, какими бы звѣрскими, безобразными, отталкивающими физиономіями они ни обладали, П. В. всегда звалъ „красавецъ“. Женщинъ, хотя бы дряхлыхъ старухъ—„красавица“.

Справившись, покормили ли арестанта, онъ приказывалъ привести его къ себѣ въ кабинетъ. Тотъ первымъ долгомъ благодарилъ хозяина за хлѣбъ соль; потомъ начинался дѣловой разговоръ.

— Ну, красавецъ, какъ дѣла? спрашивалъ П. В. и начиналъ умѣло, тонко, съ огромнымъ знаніемъ дѣла и психологии преступнаго люда вести слѣдствіе. „Красавцу“ оставалось только удивляться, какъ такой душевный обходительный баринъ и такъ ловко его поддѣваетъ. Все шло у П. В. по-любезному—безъ окриковъ, безъ угрозъ.

— „Ну вотъ, красавецъ, все у насъ пойдетъ по-хорошему. Потолкуемъ по душѣ. Малый ты, я вижу, хорошій, ходовой малый. Не дѣлалъ ты этого и прекрасно—молодецъ! Хвалю! Только вотъ что, братецъ, вѣдь Иванъ-то Петровъ говоритъ, что видѣлъ на тебѣ рубашку въ крови. Тетка Дарья видѣла, какъ ты рубашку замывала. Вѣдь и имъ тоже нужно вѣрить. Люди они не плохіе. Хоть Ивана Петрова взять; еще при господахъ бурмистромъ былъ да послѣ воли сколько годовъ въ старостахъ выходилъ. Ни въ чемъ не замѣченъ—старикъ законный, правильный старикъ. Опять же и тетка Дарья тоже женщина степенная; и про нее грѣхъ худо-то молвить! Вотъ, красавецъ ты мой, ты намъ полегоньку да помаленьку и расскажи, откуда кровь взялась у тебя на рубашкѣ, а мы послушаемъ.“

Приготовляясь слушать П. В. вынималъ табакерку и, съ аппетитомъ понюхавъ табачку, щелкалъ пальцемъ по носу генерала, изображеннаго на крышкѣ табакерки.

Арестантъ начиналъ врать и путать.

— Эхъ, красавецъ, чего уже тутъ?! Не такъ дѣло было. Похожа свинья на быка да шерстка не така! У васъ вѣдь у всѣхъ такая повадка:— клади часы въ кармапъ, а купца бери на обманъ. Ну это, другъ ты мой сладкій, еще какъ придется! И мы тоже не лѣвой ногой сморкаемся,—энаемъ, гдѣ у попады родинка!..

Несравненный мастеръ толковать съ народомъ, умѣлъ и любилъ П. В. въ компаніи пріятныхъ для него людей рассказать изъ своего богатаго служебнымъ опытомъ прошлаго про разные случаи, свидѣтелемъ которыхъ довелось ему быть. Въ противоположность большинству россійскихъ рассказчиковъ его собственная личность на первый планъ у него въ рассказахъ никогда не выступала.

Въ началѣ царствованія Императора Александра II былъ П. В. окружнымъ начальникомъ окружныхъ крестьянъ въ Рязанскомъ уѣздѣ. По обязанностямъ службы долженъ онъ былъ сопровождать архіереевъ во время объѣзда ими церквей въ селахъ, населенныхъ государственными крестьянами, состоявшими въ вѣдѣніи П. В., какъ старинное село Льговъ или Ольговъ при древнемъ Ольговомъ монастырѣ, Казарь, и другія села. Сопровождалъ П. В. и преосвященнаго Смарагда. Приходилось ему, какъ рассказывалъ онъ много лѣтъ спустя, видать, какъ производилъ расправы надъ священно-и церковнослужителями грозный архіерей. „Ухватить, бывало, попа или дьякона въ алтарѣ за волоса, уже онъ его возить, возить по алтарю - то, всю пыль имъ на полу подотреть. Никого не миловалъ: твердо держался правила—дуракамъ и въ алтарѣ не спускаютъ. За то подъ судъ никого не отдавалъ. Духовенство его за это любило: вздуеть и дѣлу конецъ! Сердитый былъ. Подъ горячую руку лучше и на глаза ему не попадайся! Ѣздитъ шибко любилъ. У него ямщикъ на козлахъ не зѣвай! Возьми глаза въ зубы и дѣйствуй на законномъ основаніи. По-фельдъегерски ѣздилъ!

По должности окружнаго начальника пришлось мнѣ провозить его изъ села Льгова въ городъ Спасскъ. За архіерейской каретой шестерней еле поспѣвала моя тройка въ тарантасѣ. Коренникъ шелъ во всю рысь. Пристяжныя едва поспѣвали уносить постромки. Такъ шло, пока ѣхали лугами по твердой накатанной дорогѣ. Подъ Ярцевскими слободками, какъ только выѣхали на пески, шесте-

рикъ сталъ сдавать. Трудно было тащить по песку грузную на стоячихъ рессорахъ карету, позади кузова которой были мѣста для архіерейской прислуги. Скоро лошади и совсѣмъ стали. Дверца кареты отворилась. Показалась до половины высуванная фигура архіерея съ посохомъ въ рукѣ, принявшимъ самое угрожающее положеніе по отношенію къ ямщику, сидѣвшему на козлахъ. Послышались раскаты гнѣвнаго голоса владыки. Что онъ кричалъ, слышать было нельзя; но голосъ былъ свирѣпый. Форейторъ, соскочивъ съ сѣдла, живо отпрягъ подсѣдельную и поскакалъ на ней въ село за свѣжими лошадьми.

Населеніе окрестныхъ селъ и деревень знало о проѣздѣ архіерея. Народъ выходилъ навстрѣчу и стоялъ по дорогѣ. Видя, что карета остановилась, мужики, бабы, ребята,—все двинулось за архіерейскимъ благословеніемъ. Изъ стариковъ и старухъ, кто понабожнѣе,—тѣ даже на колѣни встали и осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ. Уже и получили же они архипастырское благословеніе.

Такъ ихъ благословили—крѣпче и не придумаешь!

Должно быть, въ это утро владыка всталъ съ постели лѣвою ногой. Яростно преподаль онъ своей богоспасаемой паствѣ благословеніе самаго непечатнаго свойства, снабжая его донельзя крѣпкими російскими выраженіями, отъ которыхъ паства, какъ стадо испуганныхъ овецъ, такъ и шарахнулась въ стороны.

Долго бушевалъ Смарагдъ, пока не привели и не заложили свѣжихъ лошадей. Здорово влетѣло и священнику въ ближайшемъ селѣ, котораго архіерей, не разбирая, правъ онъ или виноватъ, сразу сгрѣбъ за волосы и началъ таскать.

Покойный преосвященный былъ человекъ строгій и серьезный. По пустякамъ беспокоить себя не любилъ. Случилось такъ, что во время пребыванія его на рязанской кафедрѣ изъ Касимовскаго женскаго монастыря убѣжали двѣ монашки. Игуменья поѣхала въ Рязань, чтобы лично доложить объ этомъ ужасномъ съ ея точки зрѣнія происшествіи. Въ трепетъ повергшись предъ архіереемъ на колѣни, она возопила:

— Владыко! у насъ бѣда!!

— Какая же, мать моя, у васъ тамъ бѣда? въ высшей степени хладнокровно спросилъ преосвященный.

— Владыко! у насъ двѣ монашки убѣжали!..

— Если бы и всѣ-то вы убѣжали, никакой бѣды бы не было! спокойно замѣтилъ Смарагдъ.

В. Гайдуковъ.